

1.

Если бы у Алика спросили, есть ли у него заветная мечта, он бы, не задумываясь, ответил утвердительно, потому что был он сентиментальным мальчиком, и мечта у него была.

Первая его мечта была стать моряком. Однажды, увидев приехавшего в гости родственника во флотской форме, и по достоинству оценив те взгляды, которые бросали в его стороны девушки, Алик сразу решил, что пойдёт учиться в мореходное училище. И готовил он себя в моряки до тех пор, пока на гастроли в их район не приехал областной певец. Пел он, по мнению Алика, прескверно, больше бегал по сцене, некстати приплясывал, изгибался во все стороны в отрыве от музыкального сопровождения, призывал зрителей следовать его примеру. Странно, что многие вскакивали со своих мест, подражая ему, прыгали, кувыркались, и даже рвали на себе одежду. Одноклассница, на которую Алик потратил три рубля, купив ей билет на этот концерт, забыв про Алика, с восхищением прыгала, аплодировала заезжему певцу, и истошно кричала:

— Bravo!

Придя домой, Алик долго смотрел на себя в зеркало: и лицом, и ростом, и фигурой, и накачанными бицепсами, он был красивее и лучше, но Ирка восхищалась не им, а кургузым певцом... Алик попробовал петь. Тихо не получалось, а когда он запел во весь голос, в комнату вошла удивлённая мать.

— Что с тобой, сынок, влюбился, что ли? — пригорнула она его к себе.

— Хочу стать певцом!

— Зачем тебе? Ты отличный гимнаст.

Откуда было матери знать, что на спортсменов девушки не пялят глаза, а певцами восхищаются, и умение петь — прямая дорога к сердцу девушки! Вон как они вокруг этого пискуня роями летали...

Музыкального училища в совхозе не было, в клубном хоре пели одни старушки, самостоятельно Алик заниматься вокалом не мог. Он быстро понял, что пение — не его призвание, и некоторое время жил, можно сказать, без мечты.

Очередная, третья по счёту, и последняя мечта, явилась Алику в образе шофёра автобазы стройуправления, который согласился подвезти его до райцентра. По дороге, в кабину подседа попутчица, и шофёр, усадив Алика на своё место, и, показав, как надо манипулировать газом, тормозом и рулевым колесом, тут же принялся снимать с попутчицы трусы. Алик неумело вёл грузовик, переводил взгляд с дороги на парочку, видел их возню, слышал ахи и охи, был, как натянутая струна, ёрзал на сиденье, пока, в какой-то момент, не почувствовал необыкновенную лёгкость, и в теле, и в машине. Струна, будто порвавшись, ослабла, напряжение в теле прошло, и машина, словно выехала на ровную дорогу, покатилась легко и плавно... Возня рядом ещё продолжалась, но у Алика интерес к этому пропал. Теперь он смело смотрел на любовные игры парочки: себя он уже удовлетворил, и хотел только удовлетворить своё любопытство... Видя, с какой лёгкостью водитель овладел попутчицей, даже не спросив её имени, Алик решил стать шофёром.

Нужно сказать, что Алик так сильно был увлечён спортом, что девушек не замечал: всё свободное время он проводил в гимнастическом зале, и на них у него просто не оставалось

времени, ему некогда было за ними ухаживать. А теперь он решил: зачем тратить время на ухаживания, если достаточно посадить в машину попутчицу, и она твоя, даже имя можно не спрашивать!

Учился Алик посредственно, через пень-колоду, но был дисциплинирован, и из класса в класс его переводили без сложностей. Ребята играли в самую популярную игру — футбол, но его завлечь не могли, он был в школе гимнаст-одиночка. В колхозе курсов шоферов не было, и он возлагал надежды на Армию: оттуда почти все ребята возвращались с правами.

После выпускных экзаменов школьная футбольная команда отправилась в турне по области, а Алик один остался заниматься в спортивном школьном зале. Гимнастика ему потому и нравилась, что соответствовала его скромному, замкнутому характеру: не надо было ни с кем разговаривать, ни на кого надеяться, ни на кого обижаться, он никого, кроме себя, не мог подвести... Слыша, как после футбольного матча отчитывают партнёров за каждый неверный пас, Алик лишний раз убеждался, что для себя он выбрал правильный вид спорта. Пока он чемпион района, а в будущем... Но даже если он и не достигнет никаких высот в лёгкой атлетике, ему уже достаточно того, что тело его находится в прекрасной форме, как у Геракла. А пока он устроился в школу на лето сторожем, и вечерами продолжал накачивать свои и без того тугие мышцы...

Нам не известно, зачем директор совхоза зашёл в спортзал, не для того же, чтобы повидаться с Аликом, но он зашёл, полюбовался его стройным, мокрым от пота телом, и сказал:

— Я набираю бригаду строителей, хочу построить новый коровник, а рабочих рук не хватает. Поработай до Армии, обижен не будешь.

— Это как? — просто спросил Алик.

— Путёвка в дом отдыха, и триста рублей на пропой.

— Я не пью... И потом — мне тренироваться надо.

— Вот там и потренируешься, на шлакоблоках, каждый весит двадцать килограмм. А что не пьёшь, это молодец.

Бригада собралась разношерстная, работали из рук вон плохо. Но Алик старался вовсю, и не из трудолюбия, а потому, что, подавая двадцатикилограммовые шлакоблоки, ещё больше накачивал свои мышцы. Со временем работа наладилась, бригадир сформировал звено из неплохих ребят, которые клали стены, и хотя остальные бродили по стройплощадке в поисках трояка на опохмелку, стены поднимались быстро. За месяц до призыва в Армию директор пригласил Алика в кабинет, вручил триста рублей, и путёвку на двадцать четыре дня:

— После Армии возвращайся, буду ждать. Мне такие ребята, ох как нужны!

— Я вернусь шофёром, — пообещал Алик.

— Лёгкой тебе службы, сынок, — напутствовал Алика директор.

Так Алик впервые в своей жизни попал в дом отдыха. Он и тут не изменил своих привычек: зарядка, бег, отжимание, подтягивание, качание пресса. Ребята ходили в бар, вечера проводили на танцах, гуляли с девушками, а он качал мышцы. Зачем сейчас тратить на девушек время, если из Армии он вернётся шофёром! Заработанные в совхозе деньги он отдал матери на сохранение, и не жалел об этом: первый вклад в будущую машину уже есть! Так, постепенно, рублик к рублику, он соберёт нужную сумму, купит машину, и все девушки будут его.

Ещё один случай укрепил Алика в правильности выбора профессии. Сосед по комнате приехал в дом отдыха с женой, и на своей машине. Алик ежедневно наблюдал, как за ним

бегают девушки с просьбой отвезти в город. А однажды, бегая по лесной тропинке, Алик наткнулся на его машину, из дверей которой торчали голые женские ноги. Алик мысленно сравнил немолодую, страшенькую жену соседа, с хорошенькой девушкой в машине, и окончательно пришёл к выводу, что надо не только получить права, но и обязательно купить машину.

Жена соседа, Полина Матвеевна, видимо, заподозрила что-то неладное, потому что в следующий раз мужа одного в город не отпустила, и тот уговорил Алика поехать с ним, «для алиби». Алик лгать не мог, и когда говорил Полине Матвеевне, что ему позарез нужно в город, покраснел. Поездка удалась на славу! Степан Петрович прихватил двух подружек, и они, потратив все деньги Алика на выпивку и закуску, хорошо повеселились. Подружки, правда, были некрасивые, и не такие уж молодые, Алику не понравились, а когда поменялись партнёрами, он вообще раскраснелся, и сбежал бы в лес, если бы все трое не удержали его насильно. Впрочем, эту экзекуцию Алик перенёс спокойно. Труднее ему пришлось, когда Полина Матвеевна в упор спросила:

— Вы забавлялись с девицами?

Алик покраснел, она всё поняла, и ему ничего не оставалось делать, как утвердительно кивнуть головой.

— Девушки, надеюсь, были достойные?

До этого дня Алки с девушками интимных дел не имел, сравнивать ему было не с чем, тем не менее, он, не задумываясь, покачал головой из стороны в сторону. — Ладно, мой — старый кобель. Но у тебя какой интерес?

Алик задумался. Действительно, интереса не было никакого. И удовольствия тоже не очень...

— Они что, заплатили тебе?

Алик вспыхнул. На него нахлынул шквал самых разноречивых чувств. Вначале его смутил вопрос, заплатили ли ему... Потом он осознал, что такая возможность не исключается, и повернулся всё другой стороной, могли бы, оказывается, и заплатить. И тут же всплыла его давнишняя мечта о машине, на которую эти самые деньги нужны. И, наконец, в его мозгу вырисовалась та реальная единственная мысль, которая должна была возникнуть сразу: как бы не так! Только теперь он осознал, что остался без копейки, и ему даже не за что взять билет на обратную дорогу:

— Не-а... Они все мои деньги пропили, до копейки. Даже на дорогу не осталось.

— Глупый ты ребёнок, — сказала Полина Матвеевна и прижала его к своей груди.

«Точно, как мама», — подумал Алик.

Но прижимала она его не как мама. Она гладила его щёки, проводила пальцами по губам, перебирала волосы, прижимала его к своей пышной, горячей груди, пару раз ущипнула через рубашку за соски, правый, левый, пощекотала под мышкой, сдавила руками бёдра, ещё плотнее прижала его к себе. Её руки не знали ни минуты покоя.

«Зачем это ей?» — с неприязнью и любопытством подумал Алик.

Но любопытства, видимо, было больше, чем неприязни, и оно пересилило: Алик спокойно сносил её шалости. Но она, почувствовав бёдрами его твердь, скользнула рукой в брюки, и жаром зашептала в ухо:

— Ты помог Степану изменить с девицами, а мне поможешь ему отомстить.

Полина Матвеевна была нежная, ласковая, во всём старалась ему угодить, упреждала всякое его движение, и вместе с тем она была темпераментна, не скрывала этого, кончала бурно,

криками пугая Алика, до удушья осыпая его горячими поцелуями... Алик не мог разобраться в своих чувствах. Ему было с ней хорошо и плохо одновременно. Он давно получил удовольствие, а она всё ещё продолжала облизывать его своими липкими губами, делая вид, что приносит ему наслаждение. Он с трудом вырвался из её цепких объятий. Провожая Алика до двери, она вложила в карманчик его рубашки пятьдесят рублей:

— Ты только перед Степаном не красней так, как передо мной, — сказала она.

Но этого обещать ей Алик не мог. Он не надеялся на себя, и в тот же день покинул дом отдыха, отметив, что мечта иметь собственную машину не так уж и хороша. Разумеется, он имел в виду не себя, а Степана Петровича...

Несмотря на то, что Алик вернулся домой раньше срока, сверстников уже призвали в Армию, и его проводили без пышных торжеств.

Учебка прошла, как в тумане, впроголодь, без сна и отдыха, не говоря уже о тренировках, а на политбеседе Алик вспомнил о своей последней мечте, и изъявил желание учиться на шофёра. Его оставили при штабе дивизии. Пока ждали распределения, Алик зря времени не терял, и целыми днями занимался на спортивных снарядах. Тут его и заметил начальник штаба.

Ознакомившись с его характеристикой: дисциплинирован, исполнитель, послушен, скром, застенчив, аккуратен, чисто плотен, не пьёт, не курит, морально устойчив, политически грамотен, любит заниматься гимнастикой, чемпион области по лёгкой атлетике, — генерал взял Алика к себе денщиком. И началась для Алика райская жизнь!

Дети генерала жили в городе, жена — на даче, а сам он большую часть времени проводил в гостиничном номере при штабе, изредка наведываясь и на городскую квартиру к сыновьям, и на дачу к жене. А Алик, как челнок, мотался между этими тремя объектами, выполняя различные пустяжные поручения... Неделю спустя генерал оставил Алика на ночь в своей квартире при штабе.

— В конце концов, ты мой денщик, — просто объяснил он своё решение.

Алик и тут остался верен себе: размялся, поупражнялся в гостиной на ковре. Генерал залюбовался им:

— Тело у тебя красивое, мышцы накачаны, фигура божественная. Я тебя сразу приметил. Девушки, небось, штабелями падают?

— Я на них не слишком падаю... Хочу машину купить, — вспомнил он о своей мечте.

— Читал, читал твоё личное дело. Мечтаешь стать шофёром? Что ж, будешь шофёром, это нам раз пальцем пошевелить. А будешь хорошо себя вести — подарю тебе машину!

— Я всегда веду себя хорошо, — ничего не поняв, ответил Алик.

— Вот и отлично! А сейчас — купаться!

Генеральская ванна была устроена весьма оригинально: некогда жилую комнату гидроизолировали, облицевали стены кафелем, и получился мини бассейн, размером три на четыре метра. Открываешь дверь, и плюхаешься в воду! Алик помог генералу перевалиться через барьер. Легко перепрыгнув, с удовольствием окунулся в тёплую воду. Поплавали... Потом он начал мыть генерала: вылил пол флакона жидкого мыла на огромных размеров мочалку, и тщательно протёр всё его тело, от головы до ног... Настала очередь генерала... Уже нельзя было понять, кто есть кто. Они поменялись ролями, и как прежде Алик старательно натирал генеральское тело, так теперь генерал, также старательно, обрабатывал упругое тело своего денщика... Выпустили воду. Алик вытер генерала огромной мохеровой простыней, начал вытирать себя, но генерал и тут принялся ему помогать. Он с явным удовольствием

вытер его тело, потрогал бицепсы, погладил покатые плечи, опустил руки на спину, потом ещё ниже, поиграл тугими ягодичками, нырнул рукой под плавки, и под резинкой перевёл её вперёд...

Как позже Алик ни напрягал свои мысли, он так и не мог вспомнить тот момент, когда они перебрались на кровать... За него всё делал генерал, ему оставалось только подчиняться, и выполнять его команды. Он так и относился к этому, как к очередному боевому заданию.

«Приказ начальника — закон для подчинённых. Приказ должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок», — гласила статья шестая дисциплинарного устава.

Генерал был дряблый, рыхлый, ему никак не удавалось добиться эрекции, а чтобы вызвать у него оргазм, Алику приходилось трудиться до седьмого пота и сзади, и спереди. Устав после нескольких эякуляций трудиться сзади, он пристраивался спереди, что только ни делал с его вялым членом, разве что не жевал, надевал на него импортную электрическую доилку, а когда она натирала генеральскую плоть, Алик вновь повторял приёмы армянско-французской любви, заходя и сзади, и спереди, и ещё Бог знает откуда... Но когда генералу удавалось достичь наивысшего наслаждения, в благодарность за это он обнимал Алика, целовал в губы, в живот, потом ещё ниже, пытаясь повторить те приёмы, которые выполнял с ним Алик, и это для Алика являлось самым неприятным моментом в их отношениях. Уж лучше бы он не благодарил! Но что делать, на то он и денщик. Приказ начальника... и т. д. Это Алик хорошо усвоил в учебке, когда за невыполнение приказа, или малейшее неповиновение командиру, заставляли ползать по два-три часа по грязи под проливным дождём... Нет, уж лучше это... Тёплая ванна... Мохеровое полотенце... Тем более что генерал дал ему полсотни на сигареты... Он был с Аликом ласков, мягок, относился по-отцовски, но предупредил: если, не дай Бог, произойдёт утечка информации, машину ты увидишь, только грузовую, и снизу, с асфальта. Перспектива, надо сказать, не из блестящих, но Алик за себя был спокоен: он и так был неразговорчив, а о таких интимных делах, само собой разумеется, хвалиться не собирался.

К счастью, генерал пользовал его крайне редко. Видимо, получаемое им удовольствие не стоило тех трудов, которые он на него затрачивал. Но на курсы водителей Алика устроил, машину пообещал, и работой не загружал, чего нельзя было сказать о его супруге и двух женатых сыновьях, которые держали Алика на побегушках. Но со своими обязанностями он справлялся, поручения выполнял безукоризненно, и между членами генеральской семьи шла длительная, упорная борьба за него, в которой победительницей оказалась генеральская жена, после чего Алик прочно обосновался на генеральской даче... Сад, огород, участок леса с небольшим озерцом, кухня — за всем этим был закреплён хозяйственный специальный взвод. На попечении Алика были бассейн, спальня, и, собственно, генеральша. — Он такой стеснительный, так мило краснеет, просто прелесть, — заявила она мужу. — Я его отсюда не отпущу. А ты себе найдёшь другого денщика.

«Как же, найдёт», — подумал Алик.

Но генерал не стал упрямиться, и согласился. Так Алик поселился в хозблоке, недалеко от дома. В его обязанности входило содержать в идеальной чистоте бассейн, на этот раз четыре на шесть метров, вовремя менять и обеззараживать воду, так как генеральша панически боялась всяких заразных болезней, при необходимости включать тены в подогреваемом отсеке, поливать цветы, обрезать свисающие к воде лианы и ампельные цветы, убирать опадающие листья, и протирать пыль с мебели. Алик понял, что обязанности эти возложены

на него исключительно потому, что генеральша сюда больше никого не пускает. Поскольку, кроме генеральши, в бассейне никто не плавал, то и работы было не много. Здесь у Алика проблем не было.

Спальня генеральши представляла собой будуар с изысканной мебелью и альковом, в котором стояла арабская кровать с опускающимся балдахином. Под ним, при необходимости, можно было поместить взвод солдат. Здесь у Алика работы было побольше. Ковры на полу и стенах, мебель с резьбой, из которой пыль не удалишь никакими способами, зеркала, шкафчики, шкатулочки, картины, вазы... И, наконец, собственно генеральша, которая возле себя терпеть не могла молодых, красивых девушек, ненавидела женщин, которые были чуть лучше её, потому и не уживалась ни с домработницами, ни с невестками, и Алик, в дополнение к своим обязанностям, должен был ей прислуживать.

О генеральше надо сказать особо, и подробно. Это была, явно раньше времени состарившаяся, женщина, которую спокойная, беззаботная жизнь, сытная обильная пища, и высокий чин генеральской жены, к пятидесяти годам превратили в восьмипудовый кусок человеческого мяса. Две слоновьи ноги, обутые в пошитые на заказ туфли сорок какого-то размера, и, тем не менее, бывшие ей тесными, растирали ноги, и Алик массировал их, и протирал лосьоном; огромный, уходящий на полметра вперёд живот, выглядевший, как оркестровый барабан в профиль, а над ним, слева и справа, возвышались ещё два средних размеров ударных инструмента, на которые генеральша почему-то говорила «мои груди»; руки, каждая из которых состояла из трёх толстенных сарделек, двух подлиннее, исполняющих роль плеча и предплечья, и одной уж очень коротенькой, с пятью сардельками меньшего размера, именуемыми ею пальцами. Руки её, по причине своей формы и размеров, были способны разве что почесать живот. Ни до ног, ни до головы, ни, тем более, до спины, они не дотягивались, до груди — и то с трудом, и выполнение их функций было возложено на Алика. Всё это массивное, оплывшее жиром сооружение из костей и мяса, венчала непропорционально маленькая птичья головка, с очень даже симпатичным, благодаря неоднократным подтяжкам, личиком, и небесно голубыми глазами с ласковым, томным взглядом. Так что, если бы снять на фотку только головку генеральши, она вполне сошла бы за молодую, красивую женщину. Глядя на неё, создавалось впечатление, что в то время, когда все части тела генеральши по глупости наполнялись вырабатываемыми в недрах желудка жирами, умная головка устроила забастовку, и в их пиршествах участия не принимала.

Алик не долго привыкал к формам генеральши. Он быстро понял, что на них просто не стоит обращать внимания. Он и не смотрел на её тело, сразу переводил взгляд на лицо генеральши, встречался с её томным взглядом, и у него на сердце становилось тепло от её ласковых, материнских глаз... Генеральша объяснила его обязанности: разбирать постель, укладывать её спать, утром одевать, заправлять кровать. Ну, и прочие мелкие услуги... Алик в первый же день сообразил, что перед девушкой ей стыдно обнажать свои безобразные тела, а он — солдат, прибыл-убыл, и нет его, прикомандируют другого, и не велика беда, если он где-то далеко, на гражданке, расскажет кому-нибудь о её формах.

Алик вспомнил Полину Матвеевну... Да, она тоже была немолода, но хотя бы походила на женщину! Но он тут же выбросил эти мысли из головы: вряд ли этой корове нужен бык! Генеральша прервала его мысли:

— Зови меня Анна Ивановна. И в доме никаких «Товарищ генерал!» Тут тебе не казарма. Мужа зовут Ростислав Вячеславович.

Вечером он разобрал постель, помог ей раздеться, сводил в туалет, подмыл. Уложил в кровать, пожелал спокойной ночи, и ушёл в хозблок. Он дал себе установку: я — врач, она — больная женщина. Мне поручено за ней ухаживать. Тонкая, толстая, красивая, страшная — какая разница? Врач больных не выбирает.

Утром застал её спящей. Навёл порядок в бассейне, прибрал комнату, протёр мебель. Сел в кресло, включил телевизор. В десять часов зазвенел колокольчик. Он вошёл в спальню. Анна Ивановна попросила одеть на неё бюстгальтер. Сшитый на заказ, больше похожий на чехол для двух покрышек, чем на интимный предмет женского туалета, он никак не сходился спереди, и чтобы застегнуть первую пуговицу, Алику пришлось заталкивать в его обширные полости сначала одну, потом другую грудь генеральши. Как ни было ему неприятно это действие, но молодой организм взял своё: напряжение внизу живота почувствовал не только он, но и генеральша. Она молча завалила его на кровать, спустила брюки, и Алик, минуту назад не представлявший, как это можно иметь дело с такой тушей, вдруг почувствовал, что член его находится там, где нужно, и генеральша, сидя на нём в неудобной позе, на корточках, неуклюже качается назад вперед, пытаясь воспроизвести некое подобие фрикций. Алик посмотрел на её огромный серый живот, на колышущиеся над застёгнутым на одну пуговицу бюстгальтером груди, и перевёл взгляд на лицо. Генеральша ласкала его взглядом своих глаз, в сумраке спальни ставших вдруг загадочно-синими. Её отбеленное косметикой, без единой морщинки личико, порозовело, и смотрелось привлекательно. Она не закрыла глаза даже тогда, когда в экстазе издала утробный нечеловеческий звук, и Алик заметил в них пересверк невиданных ранее бесовских огней... Она в изнеможении завалилась набок и, как бы устыдившись своего поступка, молча отодвинула от себя Алика, чуть не столкнув с кровати. Он встал, и пошёл досматривать мультики...

Через час Анна Ивановна вышла в гостиную:

— Ты сегодня хорошо поработал. Оставь свои мультики, сходи с девушкой в кафе, — сказала она, и положила в карман гимнастёрки пятидесятирублёвую купюру.

Они что, сговорились, или у них такса такая, вспомнил Алик Полину Матвеевну и генерала... «Спросить, что ли», — подумал он, но вовремя сдержался: наверняка они делают это втайне друг от друга...

Вспомнив, что он не застегнул ещё пять пуговиц на бюстгальтере, пошёл за генеральшей в спальню.

— Чего тебе? — спросила она.

— Пуговицы... — неуверенно ответил Алик.

— Какие ещё пуговицы? — не поняла она.

— На бюстгальтере... Я застегнул только одну.

Анна Ивановна поняла его по-своему, как намёк на продолжение...

— На сегодня хватит. Хорошего понемножку. Что, понравилось? Ты мальчик крепкий, а я женщина слабая...

Алик смутился, и покраснел: он и в самом деле хотел застегнуть пуговицы, а на поверку оказалось, что тесный бюстгальтер — лишь повод, уловка генеральши, чтобы он помял её груди... И он на неё попался... Странно, тогда ему не было стыдно, а теперь — покраснел. Ну, да, сейчас его уличили в корыстных помыслах: то ли ещё раз побыть с генеральшей, то ли получить ещё полсотни... А тогда он просто выполнял приказ... Статья шестая... Чёрт знает что! — Да не красней ты, пойди погуляй, ты заслужил отдых, — успокоила его генеральша, и

погладила по голове, теперь уже точно, как мама.

— У меня нет увольнительной, — неуверенно сказал Алик.

— Скажи Пантелееву, пусть выпишет!

Пантелеев командовал прикомандированным к генеральской даче взводом. Алик пошёл в хозблок.

— Чего тебе? — спросил Пантелеев, явно подражая генеральше.

— Увольнительную, надо в город съездить.

— Уже? — вскинул брови Пантелеев, отчего лицо Алика залила краска.

Опять он продал себя ни за грош! Надо отучаться краснеть.

— Мне надо гантели купить, — солгал Алик первое, что пришло на ум.

— Не лги начальству! Тем более что у тебя это плохо получается. А гантели получи у старшины бесплатно.

Алик покраснел ещё больше, расцвёл, как розочка в июне.

— Учись сдерживать эмоции. Ты — солдат! И всё сумей принять: от поцелуя женского, до пули. И научись в бою не отступать, — процитировал чьи-то стихи Пантелеев.

Он открыл сейф, достал серую книжечку, аккуратным почерком вписал в неё фамилию Алика:

— На, только не потеряй!

Это было удостоверение, дающее право беспрепятственного передвижения по территории, подведомственной комендатуре Энской части.

Алик побродил по городу, сходил в кино, пообедал в кафе, и вернулся на генеральскую дачу. Ему некуда было пойти в незнакомом городе. В течение всего этого времени он готовился к встрече с генералом, обдумывал варианты своего поведения. Он понимал, что генеральша — не Полина Матвеевна, а генерал — не сосед по комнате в доме отдыха, от которого можно запросто уехать, без доклада, и не отпрашиваясь. Служба только началась, до дембеля два года, и не хочется терять это уютное гнёздышко. Ребята сейчас ползают по грязи, каждую ночь вскакивают по боевой тревоге, бегают по двадцать километров с полной выкладкой, а он разгуливает по городу, как курортник...

Анна Ивановна встретила его приветливо:

— Быстро вернулся. Тебе, верно, и пойти некуда?

— В кино был, бар посетил.

— Ладно, я тебе разработаю увеселительную программу. А сейчас подготовь бассейн. Я хочу поплавать.

Это значит: Алик должен добавить в бассейн воды, подогреть её, переодеть Анну Ивановну в купальник, опустить в бассейн, поплавать возле неё часок-другой, так как она купается редко, но подолгу, вытащить её из воды, вытереть, переодеть в сухое бельё...

Когда купание подходило к концу, приехал генерал.

— Мой пупсик не сильно тебе докучает? — спросил он.

— Никак нет! — стоя по грудь в воде, зычно рявкнул Алик.

— Я же тебя просила, Алик, — Ростислав Вячеславович, и не так громко.

— Извините, Анна Ивановна, никак не отвыкну от учебной муштровки.

Генерал был польщён:

— В части у меня железная дисциплина. А здесь можно и расслабиться.

Алик смело заглянул в добрые глаза генерала, и сам удивился своей наглости.

Генерал был почти такой же комплекции, как и его жена, только выглядел намного старше. По испещрённому морщинками лицу ему можно было дать лет восемьдесят. Столько не живут, подумал Алик, и успокоился относительно своих отношений с генеральшей, решив, что генералу и в голову не придёт мысль, чтобы после того, что было между ними, подозревать Алика, или, тем более, свою жену. Алик глянул на генеральшу. Заметив, что генерал перехватил его взгляд, тут же нашёлся:

— Спасибо вам за всё, Ростислав Вячеславович, вы мне, как отец родной!

«Однако, наглею не по дням, а по часам», — подумал Алик и, разгребая руками воду, подошёл к генеральше:

— Будем выходить, Анна Ивановна?

— Ростик, где ты раздобыл эту прелесть? — сказала она, подавая Алику свою жирную руку.

— Чего не сделаешь ради любимой женщины, — сказал генерал, и они вдвоём вытянули Анну Ивановну из воды.

Она пошла в раздевалку. Алик в нерешительности остался стоять на месте, не зная, как себя вести с Анной Ивановной в присутствии генерала... Дойдя до раздевалки, генеральша остановилась, повернулась всем телом, опустила, насколько позволял второй подбородок, голову и укоризненно посмотрела на мужа. Генерал смутился, будто его застали за неприличным занятием, и со словами:

— Да, да, конечно, — вышел из комнаты.

Алик уверенно последовал за генеральшей. Снял мокрый купальник, промокнул мягкой простыней её обширное тело, одел в сухое бельё, накинул халат.

— Ты и правда прелесть, — сказала Анна Ивановна, и пошла в свою комнату.

А Алик вспомнил, какие легенды о генерале ходили в учебке, и улыбнулся:

«Пупсик... Ростик... Вот тебе и гроза солдат! Старый ты педераст, а не гроза! И если все наши генералы такие, то не дай нам Бог войны».

Анна Ивановна не приставала к Алику почти месяц. Он добросовестно выполнял возложенные на него обязанности, считая, что его труд ничем не отличается ни от труда парикмахера, ни от труда портного, ни от труда доктора. Однажды посмотрев на манипуляции массажиста, он окончательно смирился со своей участью: тот проделывал с мадам генеральшей такие же манипуляции, что и Алик. Ну, разве что не делал ей массаж изнутри... И то, что эту операцию поручили выполнять ему, а не кому-то другому, этим надо гордиться! Его волновал лишь один вопрос: говорят они между собой о нём, или нет? И если да, то, что именно говорят, насколько они откровенны друг с другом...

Справившись со своими делами, иногда Алик отпрашивался у Анны Ивановны, и ехал в город, обычно — после обеда, когда она отдыхала, реже — вечером. Она никогда не возражала. Даже если он не успевал уложить её в кровать, она не ругала его, ложилась спать одетая, и по приходу Алик её раздевал и укрывал одеялом. Все её платья, юбки и кофты были скроены и пошиты таким хитроумным образом, что держались на застёжках, и их не надо было снимать, ни через голову, ни через ноги, достаточно было расстегнуть пуговички. Но это случалось редко, как правило, Алик возвращался вовремя. Ему и в самом деле нечего было делать в городе. Жил он в хозблоке, с солдатами, и спал до сходу, лишь бы успеть к пробуждению генеральши, а она спала до десяти часов. В свободное время Алик продолжал усердно заниматься гимнастикой, отжимался по сто раз, подтягивался по пятьдесят раз, качал пресс, крутил педали, старался держать форму. Лишь иногда он жалел, что сейчас не в

части, и не участвует в соревнованиях, не может показать себя во всей красе, раскрыть свои способности, занять первое место, стать чемпионом дивизии, а то и армии.

Генеральша вставала поздно, и даже если просыпалась рано, ждала Алика. Он одевал её, умывал, провожал в туалет. Её толстые, негнущиеся руки, не доставали не только до головы, ног и спины, но и ещё до некоторых мест. Женщин она к себе не подпускала даже во время обеда, и за столом прислуживал ей Алик. Странно, но она была, вопреки мнению о ней генерала, здорова, как корова, и ела, как свинья. Глядя, как она поглощает одно блюдо за другим, Алик приходил в ужас. За один присест она поглощала столько еды, что ею можно было накормить пол взвода.

По установленному порядку, Алик питался в хозблоке. Кормили там неплохо, лучше, чем в части, но Анна Ивановна всегда приглашала его за стол, «для аппетита», и Алик, хотя и не часто, позволял себе угоститься каким-нибудь деликатесом. К сожалению, Анна Ивановна потчевала его тем, что любила сама. Алику это не нравилось, и он краснел, не смея отказаться, или сказать, что он это не любит, а генеральша, видя его смущение, обычно говорила свою коронную фразу:

— Ты сама прелесть!

Или:— Ты прелестный ребёнок.

А иногда:

— Ты прелестный мальчик.

Так оно и было на самом деле, если учесть, что её младший сын был старше Алика на пять лет, дочь — одного с ним года, и Алик ублажал генеральшу спереди, а генерала сзади.

Как-то раз, зайдя утром в её спальню, Алик услышал ту же просьбу:

— Помоги мне застегнуть бюстгальтер.

Час назад от неё вышел массажист. Просто, сделал массаж, и ушёл; только что вышел парикмахер: уложил волосы, сделал маникюр, и удалился. Что необычного в том, что я сделаю своё дело, и уйду? Алик покрутил в руках розовый чехол на два автомобильных ската, вспомнил, как он, оттягиваемый тяжёлыми перламутровыми пуговицами, свисал с груди и шлёпал его по лицу:

— Может, в этот раз обойдёмся без него? Всё равно вы его никогда не носите.

— Ты просто прелесть, — сказала генеральша, и даже не шелохнулась.

Алик бросил бюстгальтер в угол, снял с неё трусы, завалил на кровать, установив на пять точек: колени, локти и живот, который тоже упирался в матрац, и решительно пристроился сзади. Но генеральша вовремя вмешалась, и направила его туда, куда нужно.

Работой Алика она осталась довольна, выпроводила молча, отогнала его от себя взмахами обеих рук, перевернулась на спину, и мгновенно уснула. Через час позвонила в колокольчик. Алик одел её, усадил за стол обедать. Со словами:

— Сходи с девушкой в кафе, — всунула в карман гимнастёрки пятьдесят рублей.

В этот раз Алик её поручение выполнил, правда, лишь наполовину. В автобусе он познакомился с девушкой, взял шампанское, но выпили они его не в кафе, как советовала генеральша, а на квартире у новой знакомой. Уходя от неё, Алик сделал сенсационное открытие. Несмотря на то, что Лиза была молода, красива, стройна, груди её были твёрдые, сосцы стояли торчком, а кожа — мягкая и нежная, удовольствия от неё Алик получил не больше, чем от генерала, или от ожиревшей генеральши. А чего было больше, так это расходов, точно так, как и в тот раз, в доме отдыха. И хотя Анна Ивановна сильно, по многим

параметрам отличалась от Полины Матвеевны, обе они понравились ему больше, чем те девицы в доме отдыха, и эта его новая знакомая. Если отбросить весь антураж: кино, кофе, шампанское, груди, тело, кожа, что у молодых должно быть, и есть на самом деле привлекательно, то само совокупление с генеральшей приносит ему больше наслаждения, чем с Лизой! Он не мог понять, почему это происходит. Наверное, думал он, Елизавета занимается этим ради удовольствия, а генеральша, он был в этом уверен, в силу крайней необходимости, которая и толкает её на это. У неё уже нет ни сил, ни желания, но проходит периодический женский цикл, и ей становится невмоготу терпеть, она отбрасывает в сторону стыд, и взбирается на первого попавшегося мальчика. Ну, да, уважающий себя мужчина не захочет иметь с ней дело... Тем более — жена генерала... И генерал не от хорошей жизни с ним забавляется. Алик видел, в каких муках он рождает каждый оргазм, потому и сочувствовал ему. Если он может помочь этим отжившим свой век людям, то почему и не помочь? По крайней мере, он не посмеет насмехаться над их сексуальной немощностью, как какие-нибудь девицы или юнцы, никогда не поставит их в неловкое положение, не даст повода для того, чтобы им пришлось краснеть перед ним.

А, может быть, на мнение Алика подсознательно действовал тот фактор, что на молодых девушек он тратил деньги, и этим отдалял срок осуществления своей мечты купить машину, а тут, помимо удовольствия, ещё имеются доходы...

Когда Анна Ивановна, чутьём опытной женщины, сразу разоблачила Алика, спросила, где он был, Алик честно ей во всём сознался:

— Познакомился с девушкой, но она мне не понравилась.

— Ты с ней... спал? — спросила она.

— Да, и сожалею об этом.

— Но, почему? Скажи мне, почему?

— Я не знаю.

— Она молода, красива?

— Да.

— Так в чём же дело?

Алик и сам не знал, в чём дело. Опыта общения с женщинами у него не было. Они его никогда не привлекали. Он вспомнил, какой стыд испытал, когда в восьмом классе заглянул девчонке под юбку, она это заметила, и ударила его портфелем по голове. Было ли ему тогда приятно? Пожалуй, да. Но больше с ним такого никогда не случалось. Разве только ещё за рулём грузовика, когда на его глазах водитель забавлялся с попутчицей. А всё остальное — как комсомольское поручение, которое в обязательном порядке надо выполнить, нравится оно или нет. Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть!

— О чём ребёнок задумался? — отвлекла его от воспоминаний генеральша.

— Мне с ней было плохо, — откровенно признался Алик.

— А со мной?

Она впервые задала такой вопрос, раньше на эту тему они не говорили. Алик посмотрел в её ясные голубые глаза и уверенно ответил:

— Хорошо.

— Ты мне льстишь?

— Честное комсомольское!

— Ты хочешь меня убедить в том, что тебе приятней быть со мной, старой, жирной бабой, чем

с молодой, красивой девушкой?

— Да.

— Но почему? Объясни мне, пожалуйста.

— Вы не лезете целоваться, обниматься, не лапаете руками, где не положено, не поучаете, не критикуете, не гадите в душу, если что не так. Не лжёте, что любите меня, не требуете объяснений в любви от меня, и обещаний жениться, не заставляете... трудиться до тошноты и изнеможения...

— Но я старая, дряблая развалюха.

— При чём тут это? Я же вас не на приёмы сопровождаю... И не в ЗАГС веду. Если по-вашему считать, то вас и парикмахер должен презирать за плохую причёску, и маникюрщик за то, что ногти отросли и лак отвалился, и врач за то, что простудились и, вот, чихаете... А я, как и они, всего лишь удовлетворяю одну из ваших потребностей. И уж если на то пошло, то парикмахер с большим удовольствием возьмётся стричь заросшего хипака, нежели вылизанного денди.

— Первый раз встречаюсь с такой необычной точкой зрения на отношения между мужчиной и женщиной.

— Это не отношения, а работа. И не между мужчиной и женщиной, а между мастером и клиентом... Я вам больше скажу... Когда я... вхожу в вашу... в вас... я чувствую только одно: мой... и ваша... ну, в общем, они будто специально созданы друг для друга, вот что главное. Всё остальное — антураж, не имеющий к этому никакого отношения.

— То, что ты чувствуешь, это не открытие. Так оно и есть на самом деле. Они специально друг для друга природой созданы. И не только у меня и у тебя, а у всех!

— Может быть оно и так... Только с другими я этого не чувствую... Может, из-за всех этих ахов, вздохов, облизываний, разговоров, стонов, главное как раз и отходит на второй план.

— А как же любовь?

— Не знаю... Я не знаю, что такое любовь... Может, когда полюблю, если это случится, изменю своё мнение, но не теперь.

— Ты действительно так думаешь? Хотя, да, ты же у нас никогда не лжёшь.

На следующий день Анна Ивановна послала Алика в город с поручением:

— Вот адрес, отвези пакет моей подруге.

Подруга оказалась под стать генеральше, такая же старая, и такая же тучная. Она встретила Алика в длинном прозрачном пеньюаре, без трусов и бюстгалтера, и предложила бокал шампанского. Алик сразу всё понял:

— Мне это по уставу не положено, да и не нужно. Перейдём сразу к делу.

Живот у подруги был не так велик, как у генеральши, поэтому Алик уложил её на спину. То ли она по натуре была сродни генеральше, то ли была предупреждена ею, но лежала спокойно, не лезла целоваться, обниматься, кроме бёдер ничем не двигала, и то лишь плавно покачивала ими из стороны в сторону, будто боясь что-то расплескать. Правда, не в пример генеральше, держала она Алика на себе довольно долго... Пятьдесят рублей в карманчик, воздушный поцелуй и Алик удалился. — К подруге претензий нет? — спросила его генеральша.

— Какие могут быть претензии? Мы же договорились: работа есть работа.

Даже генеральша была шокирована цинизмом Алика.

Три дня спустя она отправила его на новое задание. Видимо, предупреждённая генеральшей, очередная её подруга встретила Алика, как парикмахера:

— А, это вы, проходите, я сейчас.

Алик прошёл в спальню. Через пять минут вошла подруга, таких же комплекций, как и генеральша: с женщинами других габаритов она, видимо, не водилась. Алик окинул её оценивающим взглядом: пожалуй, можно подобраться спереди, — и положил на спину. Она лежала, как только что убитый тюлень, ещё тёплый, но уже неподвижный. И лишь в последний момент шумно задышала и задёргала из стороны в сторону бёдрами, но также неожиданно затихла и успокоилась. Алик не знал, что делать: продолжать? заканчивать? Он был в растерянности. Своим небогатым опытом он не мог определить, достигла ли дама того, что хотела. Боясь потерять свои чаевые, он спросил:

— Мадам удовлетворена? — и не напрасно, ибо дама ответила весьма неопределённо:

— Вообще-то, можно сказать, да, хотя, в принципе...

Алик правильно понял её ответ, и принялся энергично совершать фрикции, пока она не достигла второго оргазма... Потом встал, помылся, зашёл взглянуть на даму. Она лежала в кровати усталая, но довольная. Поманила его пальчиком, он нагнулся, и она вложила в карманчик сложенный вдвое конверт. Ни фига себе, деликатности, подумал Алик, и вышел из дома. В автобусе он открыл конверт, и извлёк из него две полусотенные бумажки. Ему ничего не оставалось делать, как присвистнуть...

Как насчитал Алик, у генеральши было девять подруг. Всех их он обслуживал, через каждые два — три дня отправляясь в город. Вначале Анна Ивановна посылала его с пакетами, но затея эта, при том, что все участники были посвящены в её тайну, выглядела нелепо: глупо было носить один и тот же пакет из одного дома в другой, не распечатывая его, и Алика стали посылать просто «передать привет» по такому-то адресу. Иногда подруги наносили генеральше визиты, заходили в спальню, и Анна Ивановна направляла туда Алика. Генеральша была покладиста, не ревнива, и главное, не любопытна. Кроме той первой беседы, она ни разу не заговорила с Аликом на подобную тему, никогда не требовала от него отчёта о вояжах, не интересовалась, как прошло свидание, доволен ли он, плохо ему или хорошо. Алика не возмущало такое безразличие. В самом деле, не спрашивают же дамы у парикмахера или у доктора, хорошо ли им с клиентом или пациентом...

То ли по совету мужа, то ли она сама приняла такое решение, но на зиму генеральша осталась жить на даче. Воду из бассейна выпустили, оставив лишь в обогреваемом отсеке. Второй этаж законсервировали, на первом включили отопление на полную мощность, и в комнатах стало тепло. Алик всё ещё мечтал стать чемпионом области, и каждое утро занимался в спортзале, до седьмого пота отрабатывая упражнения на брусьях, кольцах, перекладине. Потом принимал душ, и шёл будить свою подопечную. Умывал её, одевал, кормил. Обслуживал, когда приезжали, подруг, ездил к ним в город с поручениями генеральши. Вечерами опять занимался любимой гимнастикой. Генерал вызывал его к себе ещё два раза, и оба раза Алику с превеликим трудом, благодаря различным ухищрениям, удавалось довести его до оргазма. Генерал был доволен, и щедро с ним расплачивался.

Генеральша в упор не желала видеть возле себя женщин, и кроме навещавших её подруг, Алик за всё время пребывания в расположении дачи не встретил ни одного человека в женском платье. Каково же было его удивление, когда, после выполнения удачной композиции на брусьях, он совершил соскок с тремя оборотами и кувырком, обессиленный распластался на ковре, и услышал в свой адрес комплимент из женских уст:

— Боже мой, какая прелесть! Пантелеев, представь меня этому солдатику.

Тембр голоса и интонация — как у генеральши, и слова почти такие же, но голос молодой, звонкий. Алик был почти голый, лишь узенькая полоска плавок слегка прикрывала его достоинства. Разгорячённое длительной тренировкой тело лоснилось потом. Алик провёл рукой под мышкой, и машинально понюхал пальцы... Какая уж тут прелесть! Он лежал на грязном ковре, никак не мог отдышаться, прижатая женской туфелькой грудь часто вздымалась и опускалась, пот щипал глаза, но голос был женский, и он открыл их, повернул голову на голос. Первое, что бросилось ему в глаза — уходящие далеко вверх длинные стройные ноги, перетянутые белыми трусиками в сумрачной глубине платья. Пронзённый мощным разрядом электрического тока, Алик покраснел, тело его покрылось ярко-бурыми пятнами, спазм перехватил дыхание. Он стремительно взвился на ноги, чуть не свалив при этом девушку на ковёр, и вылетел из спортзала, сопровождаемый дружным смехом солдат.

Вероника училась в Московском институте физической культуры, и домой приезжала только на каникулы, поэтому Алик до сегодняшнего дня её не видел. В этот раз она приехала на пятидесятилетие матери, которое праздновалось, как она говорила, или отмечалось, как говорила Анна Ивановна, в ночь под новый год. Алик знал об этом знаменательном событии, участвовал в его подготовке, наряжал ёлку, развозил пригласительные билеты, и только о Веронике ничего не знал. Нет, он знал, конечно, что у Анны Ивановны есть два сына и дочь, знал также, что ей девятнадцать лет, видел даже её на фотографиях в комнате Анны Ивановны, но они не произвели на него никакого впечатления. А вот то, что он увидел, лёжа на спине в спортзале, его потрясло. Он испытал точно такое чувство, как и тогда в школе, когда ему было одновременно и приятно от увиденного, и стыдно настолько, что навсегда пропала охота заглядывать под юбки... Он и не заглядывал, по крайней мере, до сегодняшнего дня...

Ёлку нарядили у бассейна, столы накрыли в смежной комнате. Поздравить Анну Ивановну с днём рождения явился весь штаб дивизии, в сопровождении своих жён, большинство из которых к этому времени Алик успел обслужить. Видя такой контингент, он хотел отпроситься у Анны Ивановны, но она лукаво сказала:

— А как же твоя теория о парикмахере и враче? Мне кажется, твоё жизненное кредо не позволит тебе смущаться в нашей компании.

Алик и не смущался. Покраснел до ушей он только тогда, когда Вероника подошла к нему, и попросила отца представить её «этому симпатичному солдатику».

— Мой денщик, — лаконично отрекомендовал его генерал.

— Вероника.

Она пожала Алику руку.

— Алик, — ответил он, и залился красной краской: перед его глазами вырисовалась волосатая задница генерала, потом серый передок генеральши с полысевшим лобком, тут же сменившийся на две стройные ножки, туго перетянутые вверху белыми трусиками...

— Папа, где ты раздобыл эту прелесть? Если у вас все такие защитники Отечества, то я начинаю беспокоиться за его безопасность.

И фразой, и интонацией голоса, Вероника повторила свою мать, отчего Алик покраснел ещё сильнее. Надо взять себя в руки. Это никуда не годится, подумал он. Но, начав понемногу успокаиваться, он обвёл взглядом комнату, и его охватил ужас: то, что взгляды всех присутствующих были обращены на него, было понятно, почему: на их глазах раскручивался роман генеральской дочери с его денщиком. Но среди этих «всех» были и генерал, и его жена,

и те девять женщин, с которыми Алик по очереди имел интимную связь, не по одному разу, да ещё за деньги... Увидев их всех вместе в одной компании одновременно, и мысленно сравнив, он понял, почему все они платили ему по-разному, и больше всех генерал: каждый из них знал свою «цену»! Поймав себя на мысли, что слишком долго разглядывает подружек генеральши, Алик прижал ладонями пылающие уши, и выбежал из комнаты. Гулянка затянулась до утра. Некоторые гости разъехались, другие разместились отдыхать, где придётся: в креслах, на раскладушках, на кроватях и диванах, по пять-шесть человек. Преферансисты спали прямо за столом. Алик пришёл в дом из хозблока в десять часов, увидел эту картину, и удалился. Гости разъехались после обеда. Генерала забрали с собой, а на даче осталась Анна Ивановна, заваленная цветами и подарками, и Вероника, которая, вопреки обычаю, отказалась ехать с отцом на городскую квартиру. Солдаты убрали столы, вымыли полы, навели прежний порядок и блеск. Алик собрался с ними уходить, но Вероника его задержала:

— Помоги открыть мою комнату.

Второй этаж не отапливался, в комнате было холодно, и Алик включил электрический камин... Несколько раз он порывался уйти под различными предлогами, но всякий раз Вероника приводила убедительные контр доводы, вновь и вновь вводя его в краску, и он оставался. Вероника будто поставила перед собой цель соблазнить его, и упорно претворяла её в жизнь.

Алик знал, понимал, что ему не надо приводить никаких доказательств, не надо выслушивать никакие контраргументы, надо просто встать и уйти, но сделать он это не мог, у него на это не было сил. Всякий раз, когда он порывался встать, а Вероника уговаривала его остаться, он, даже не слушая её, не слыша её голоса и не понимая, о чём она говорит, не уходил, не мог уйти, потому что перед его глазами всплывали белые трусики, туго обтягивающие её бёдра. Он готов был отдать остатки своей жизни только за то, чтобы ещё раз бросить взгляд под её белоснежное бальное новогоднее платье. За последнее время он вволю насмотрелся на трусы разного цвета и размера, ему приходилось и снимать их, и надевать, но то была работа, и никаких эмоций она у Алика не вызывала. Здесь же было нечто другое, в чём он ещё пока до конца не разобрался. И когда Вероника подошла к нему, открыла свой влажный рот, и прильнула к его устам своими горячими губами, он, не любящий целоваться и обниматься, всех в этом убеждавший, жадно набросился на неё, целовал её губы, щёки, нос, шею, глаза, уши, вновь и вновь пытался поймать её губы, но Вероника сама беспорядочно хватала своим ртом его щёки, уши, нос, шею, смеялась истерическим смехом, заражая Алика, он тоже смеялся без причины, они бесконечно долго исполняли этот безумный танец поцелуев, пока не слились в одно целое существо, рухнувшее со звериным криком на пол, и в изнеможении застывшее в обессиленной, неестественной позе.

— Я люблю тебя... люблю твои гермакулы плечи, твои мощные бицепсы, твои губы... руки... всего тебя, но больше всего я люблю смотреть, как ты краснеешь, я люблю тебя больше всего, больше жизни, — лёжа на спине, и, глядя в какую-то точку на потолке, говорила Вероника.

В её словах не было ни страсти, ни убедительности, ни, тем более, любви, и посторонний наблюдатель сразу же определил бы, как сильно она его «любит». Но Алику впервые так объяснялись в любви, да ещё такая девушка, и он принимал её слова за чистую правду:

— Нет, это я люблю тебя больше жизни, когда я впервые увидел твои ноги, меня пронзил электрический ток, со мной никогда такого не было.

«Ещё бы», — подумала Вероника, — «задрать над лицом ноги, наступить на грудь, показать, что там под юбкой — это безотказный приём, ещё никому после этого не удавалось от меня ускользнуть, тем более этому, беспрестанно краснеющему, солдатику», а вслух сказала: — Ты сама прелесть! Трудно сейчас найти парня, который в двадцать лет ни разу не был с женщиной.

Только после этих слов Алик протрезвел от любви. Он понял всю низость, пошлость и подлость своего поступка. Зачем он соблазнял эту невинную девушку? Так ли уж была необходима ему эта любовь? Жил себе человек нормально, жильё имел приличное, еда хорошая, женщин навалом, деньги на машину начал копить... А что теперь? Ежу понятно, что оставаться здесь он больше не сможет... А где сможет? Куда его генерал спровадит? Под колёса грузовика? И как он посмотрит ему в глаза? А генеральше? Впрочем, такие мысли уже были у него после того, как он изменил генералу с его женой, и ничего, обошлось... Вероника поняла его молчание по-своему:

— Тебя смутило то, что я не девушка? Да? Признайся! Ты хотел первый раз побыть с девственницей? Для тебя это важно? Скажи, не молчи, я хочу это знать, — она потрясла его за могучие плечи. Алик об этом даже не успел подумать.

Откровенно говоря, ему было на это наплевать: девственница, не девственница, он толком не знал, что это такое, и какая между ними разница. А что он знал, так это разницу между генеральским задом и передком его жены... А тут ещё вмешалась дочь... Будто сговорились!

— Ну, говори же, говори, — нетерпеливо топнула ножкой Вероника.

— Я в этом не разбираюсь, поэтому мне без разницы. А испугался я своей любви. Со мной такого раньше никогда не было. И я не знаю, как мне теперь быть. Про любовь в уставе ничего не написано... Генерал узнает — сразу выгонит.

— Папа? Он меня любит, и сделает так, как я скажу. Ты у меня не первый, он это знает, и простил меня. Простит и во второй раз. Тем более что мы поженимся.

«Этого только не хватало», — подумал Алик.

— Всё равно, я его подвёл. — Знала бы ты — как! — Не понимаю, как это произошло... И Анну Ивановну подвёл. — Вот её действительно подвёл, так подвёл, у неё сейчас заканчивается цикл, и не сегодня, так завтра, она пригласит меня к себе. — Они были для меня, как родители, а я...

— Они и будут для тебя родителями, когда мы поженимся. Ты ничего плохого не сделал, напротив, доставил мне удовольствие. — Если бы только тебе! — Всё сделала я сама. Ты ни в чём не виноват, я скажу им это, они поверят. — Ещё бы не поверили, ведь и они всё делали сами!

— Дай мне прийти в себя. Я не хочу больше краснеть на людях. Ты уедешь, а мне здесь оставаться дослуживать. Не говори им сейчас ничего. А то отец выгонит меня. Ты приедешь, а я уже буду в части, а, может, и в другом округе.

Алик пришёл в себя, наметил план действий, и начал его осуществлять:

— Когда у тебя сессия?

— Завтра я уеду, но через две недели вернусь, и всё им расскажу.

— Пожалуй, так будет лучше, — обрадовался Алик тому, что у него в запасе будет две недели, за это время он что-нибудь придумает. — Только ты им без моего согласия ничего не говори, — предупредил он Веронику.

Но Вероника не приехала ни через две недели, ни через два месяца. Может, это произошло

случайно, а, может, генерал что-то заподозрил, но её включили в группу отъезжающих в Германию студентов, и их встреча была перенесена на лето.

2.

С отъездом Вероники Алик продолжал чётко выполнять свои обязанности. Анна Ивановна ничего не заподозрила, и относилась к нему по-прежнему с нежностью и лаской, по-матерински, за исключением тех мгновений, когда бесстрастно подставляла под его мужское достоинство свои женские принадлежности. Уже на второй день после отъезда Вероники, Алик хладнокровно исполнил свои обязанности самца, и даже при этом философствовал про себя о том, что Анну Ивановну он ни за что не стал бы обнимать да целовать, но ему с ней было приятно, а Веронику он чуть не зацеловал до смерти, а вот было ли ему с ней приятно, вспомнить не мог. Что касается генерала, то отношения с ним Алик считал чисто уставными, его желания выполнял с особенным усердием, делал всё возможное, чтобы облегчить его страдания, и только благодаря изобретательности генерала, и трудолюбию Алика, ему всегда удавалось доводить его до оргазма. Но два вопроса мучили Алика: случайно ли то, что он спит со всей генеральской семьёй, и, если между ними нет сговора, то, как поведут себя Ростислав Вячеславович, Анна Ивановна и Вероника, когда всё узнают? Он по-прежнему, два-три раза в неделю, передавал приветы подругам, они исправно платили ему по раз установленной таксе, и, поразмыслив над происшествием с Вероникой, он пришёл к выводу, что оно никак не повлияло на его судьбу: инцидент с ней не выпадал из общей обоймы образа жизни Алика. Но из обоймы неожиданно выпал другой инцидент: в конце зимы у Алика произошёл первый прокол. Генеральша пригласила его в спальню, но как он ни старался, у него ничего не получилось. Накануне он был у генерала, который за сотню промучил его часа три, на обратном пути зашёл к подруге, и вот результат! Про генерала Анна Ивановна не знала, и Алик решил свалить всю вину на подругу: — Вы сами вчера посылали меня в город. Знали, что заканчивается цикл, надо было не посылать! — Ты мог! Я же видела, чувствовала, у тебя была эрекция, ты мог, но не захотел! А в город я тебя посылала и в прошлый раз, и раньше, и всегда у тебя получалось. Не сваливай на меня свою вину, — и она расплакалась, как маленький ребёнок.

Алик впервые по отношению к ней решил проявить нежность, ему стало жаль её, он развёл пошире руки, пытаясь обнять её, но она прогнала его:

— Уйди, пожалуйста. Оставь меня одну, — и оттолкнула его, как делала это, когда была удовлетворена им.

Алик впервые испытал такой позор, и не на шутку испугался. Он слышал о таких провалах, мужчины после этого и стрелялись, и топились, а, сколько из-за этого разводов, так, говорят, каждый второй... Но на следующий день он ублажил генеральшу, она осталась им довольна, но всё-таки дала совет:

— Тебе надо хорошо питаться. Забудь про казарму хозблока, будешь обедать со мной.

«Она даже не знает, что солдаты принимают пищу не в казарме, а в столовой», — подумал Алик.

— И вот, на, возьми, почитай. Вреда не будет, а польза несомненная, — добавила она.

Это было зачитанное до дыр, ротапринтное издание какой-то индийской брошюры, много там было разной ерунды, неприемлемой в наших условиях, по ней любить, так больше ничем не надо заниматься, но один момент Алика заинтересовал. В брошюре давались упражнения, позволяющие продлевать эрекцию до бесконечности, «сколько позволит сердце», и он начал

осваивать эти упражнения. С мочеиспусканием у него проблем не возникло, он быстро научился дробить этот процесс и на десять порций, как там предлагалось, и на двадцать, и даже на тридцать. Этими мышцами он и раньше пользовался, знал, как ими управлять, и теперь только напрягал их, и отпускал, по десять раз подряд, по несколько раз в день. А вот втянуть в себя яички, он никак не мог, это упражнение у него не получалось. А оба эти упражнения надо было делать одновременно, несколько раз в день. Узнав об этом, опытная Анна Ивановна помогла ему, приложив к яичкам кусок льда из холодильника. Они самопроизвольно втянулись куда-то вверх, и Алику осталось только уловить, какие мышцы при этом сработали. Чем были хороши эти упражнения, что выполнять их можно было в автобусе, в трамвае, на остановке, — в любом месте, не вызывая никаких подозрений у окружающих. Через три месяца интенсивных тренировок Алик мог, задерживая семяизвержение, продолжать половой акт по два-три часа и более, причём повторять его хоть каждый день, и даже несколько раз в день. Подруги Анны Ивановны были от него в восторге. Как она объяснила Алику, с ума они сходили сразу после окончания меноцикла, поэтому и накладки получались, когда ему надо было быть в один день в двух местах. Но теперь он был застрахован от проколов. А та дама, которая держала Алика по три часа, теперь, чувствуя его неугасимую силу, проводила с ним весь день, и платила по сто пятьдесят рублей. Лишь одна подруга не нравилась Алику, и он сказал об этом Анне Ивановне:

— Она развратница.

— И в чём же состоит её разврат? — любопытствовала Анна Ивановна.

— Она заставляет целовать... и не только в губы... — несмело сказал Алик, и посмотрел под роскошный живот Анны Ивановны.

Дело в том, что дама та и раньше целовалась с ним, но Алик старался не обращать на это внимание. Она колола его своими жёсткими усиками, вдыхала в его рот гнилостный запах больных зубов. А однажды схватила за оба уха, и притянула его голову к себе между ног. Алик вырвался, но она дала ему сто рублей, и он вынужден был её терпеть. Но после того как Алик поцеловался с Вероникой, он уже не мог подставлять свои губы под чужие поцелуи, это стало ему противно. Да и верность хотел сохранить, хотел оставить что-то такое, что было бы только между ними. Кажется, он начал понимать преимущество многожёнства: в гареме можно с одной целоваться, с другой обниматься, с третьей спать...

— Но ведь целоваться — это нормально для всех мужчин, кроме тебя! — сказала Анна Ивановна.

Видя, что подобными аргументами ему не отделаться, он решил идти до конца:

— Она не только туда заставляет целовать, но и с другой стороны... там, где не положено.

— На женском теле нет таких мест, куда не положено целовать.

Она подошла к трюмо, выдвинула ящик, достала книгу:

— На, почитай. Здесь ты найдёшь ответы на все свои вопросы.

Алик добросовестно проштудировал учебное пособие по французской любви, и вернул со словами:

— Может, это и правильно, только не для меня. Я могу делать только то, что могу. Вы же не просите парикмахера делать вам массаж.

— Массаж — нет, но причёски он знает все, можешь в этом не сомневаться. Так что, пример твой неудачен.

Но ту подругу Анна Ивановна, видимо, предупредила, больше она к Алику с экзотической

любовью не приставала.

Генерал появлялся на даче редко, в контакт с Аликом не вступал, сюсюкал с женой, называл её Пупсиком, и Алик не верил, что такая мямля может командовать войсками. Но, по слухам, с подчинёнными он был строг до жестокости, снимал кожу до костей, наказывал безжалостно и дивизия, в которой он был начальником штаба, по всем показателям числилась в передовых.

В том, что генерал ничего не знал о его связи с Вероникой, Алик был уверен. Но когда он, уезжая с дачи, хлопал Алика по плечу, ласково смотрел в глаза, и наставлял не обижать Пупсика, Алика начинал мучить вопрос: знает ли он о его отношениях с женой, или нет? И как поведёт себя, когда узнает? Всё также будет называть её Пупсиком, или пустит пулю в лоб? Оба эти варианта, по мнению Алика, были вполне вероятны... И будет ли также ласково смотреть в глаза Алика? В пистолете не одна пуля... В том, что солдатам хоззвода было всё известно, Алик не сомневался. Прямо ему об этом никто не говорил, но косые взгляды, намёки, провокационные вопросы, — были. Успокаивая себя, Алик относил их на счёт своих обязанностей подтиральщика генеральшиной задницы. Неужели, думал он, солдаты допускают мысль, что я сплю с ней? Тем более они не допустят мысль, что я переспал с Вероникой... Поговаривали, что прежнего денщика генерал уговаривал остаться на сверхсрочную службу, да почему-то не уговорил... Ему, наверно, надоело ублажать генерала с генеральшей... Вот бы с ним поговорить на эту тему! А Вероника? Знала ли она его? И спросить ни у кого нельзя... Исходя из имеющихся фактов, генерал должен бы знать о его отношениях с Анной Ивановной... Но, с другой стороны, если он не дурак и не маразматик, неужели поверит, что двадцатилетний солдат спит с его старухой? Вон перед Вероникой я один раз покраснел, и он тут же её упрятал... заподозрил неладное... А, может, и не заподозрил, и в Германию её направили от института? Но с ним же я сплю, это он может допустить... Нет, лучше об этом не думать, с ума сойти можно...

Алик обладал одним хорошим качеством, позволяющим ему легко жить: он умел думать так, как ему было нужно! Потом, когда-нибудь, всё станет на свои места, может, будет плохо, а может и хорошо, что прежде времени волноваться! А сейчас свой образ жизни он считал вполне нормальным. Ему нравилось, что женщины были чистенькие, аккуратненькие, с изысканными манерами, безукоризненно одеты, не развратны, не ревнивы, не завистливы, не любопытны. Они никогда с ним не сплетничали, а если разговаривали, то только на отвлечённые темы. И за работу платили, не стесняясь и не отводя в сторону глаза... Да, он считал, что это его работа. И в их поведении он не видел никаких отклонений. Не отворачивается же дама, когда платит массажисту или парикмахеру! А он приходит к ним точно по графику, как и они, только они — в свои дни, а он — в свои. И даже когда Анна Ивановна заболела, он не нарушал своего графика, всю ночь находился у её постели вместо сиделки, а днём отправлялся на адрес. И только Анна Ивановна, окончательно выздоровев, привязала его на три дня к себе, «до окончания другой болезни»: она боялась, что у него не останется на неё сил... И генерал не рвал его задницу, как это делали другие, а подставлял свою, да ещё платил за это, как за работу... А в очередной приезд он предложил Алику остаться на сверхсрочную службу: — Мой Пупсик привязался к тебе, я даже представить не могу, что с ней будет, когда ты нас покинешь.

«Всё-таки, нас», — подумал Алик и сказал:

— Мне ещё год служить.

— Ну, это можно устроить.

Об этом предложении генерала Алик сказал Анне Ивановне.

— Это я его попросила. Нам будет тебя не хватать.

«Она так и сказала «нам», — предоставив Алику самому разбираться в том, кого она имела в виду: подруг? генерала? Веронику?

— Мне ещё год до демобилизации, всё может случиться, успею вам надоесть... И потом, когда-то ведь и жениться надо, — решил прозондировать почву Алик.

— Кто говорит, что не надо? Останешься на сверхсрочной службе, нацепишь лычки старшины, довольствие будешь получать, квартиру дадут, женишься. У Ростика всё это просто делается.

— А как же эти мои поручения... пакеты, — поинтересовался Алик, заведомо зная, что месячное денежное довольствие старшины он сейчас получает за один день.

— Молодой человек меняет свои жизненные принципы прямо на глазах? Ну, а если женится массажист, парикмахер, врач, они что, меняют профессию? Твоя профессия не лучше и не хуже других, зачем её менять? Так и будешь работать...

Такого цинизма Алик не ожидал даже от генеральши... А что, если и генерал скажет ему то же самое? Его бросило в холодный пот, по спине пробежал озноб: у него возникла коварная мысль прямо сейчас, вот тут, спросить её, как она относится к тому, что Алик, помимо обслуживания генеральши и её подруг, трахает в жопу генерала, по пути трахнул их дочь, и хочет жениться на ней. Дадут ли они ему на это своё согласие, и если да, то оставят ли его на прежней «работе»?

Разумеется, ничего этого он не спросил. Мечта стать водителем грузовика, чтобы подвозить попутчиц, давно выветрилась из его головы, её сменила другая: занять собственную машину. Он уже и денег подкопил немного, и генерал обещал подарить Волжанку... Если так дальше пойдёт... если его отпустят... если не оставят на сверхсрочной... и если все эти «если» не перечеркнёт что-либо другое...

Между тем дом подготовили к весне, к генеральше вновь стали наезжать подруги, и в один прекрасный день начался переполох: на каникулы приезжает Вероника! Раньше она игнорировала предложение матери пожить лето на даче, уезжала то в стройотряд, то в дом отдыха, то в турпоход, а теперь вдруг стала послушной дочерью, и пообещала провести на даче всё лето. Все бегали в радостной эйфории, и только Алик не мог сообразить, хорошо это для него, или плохо. После долгих зимних рассуждений он пришёл к выводу, что о женитьбе на Веронике не может идти речи. В чувствах своих он разобрался, понял, что её не любит, и никогда не любил, а тот единственный порыв любовью считать нельзя, вон, сколько за зиму у него было таких порывов, следовательно, и встречаться он с ней не должен, это грозит двойным скандалом: и с её стороны, когда она узнает о его «работе», и со стороны Анны Ивановны, для которой это будет непоправимым ударом, и может окончиться инфарктом... Не говоря уже о генерале, который может просто застрелить его, и дать команду Пантелееву закопать труп в огороде... Об остальных старушках Алик даже не думал, они для него были неодушевлёнными дырочками, в которые он, за определённую плату, вставлял свой стерженёк... Что-то вроде банкомата, или аппарата газводды.

Может, Алик так себя настроил, а, может, он и в самом деле пережил свои страдания, но Вероника, приехавшая с модной короткой стрижкой, и в брючном костюме, его разочаровала. Увидев её, он вдруг понял, что всё это время перед его глазами стояло не лицо, не груди, не

руки, а верхняя часть ног, обтянутых белыми трусиками. А её джинсы отличались от солдатских брюк только цветом, и не возбуждали у Алика ни восторга, ни влечения. Нет, Вероника была, безусловно, красива, стройна, хорошо целовалась, она выигрывала у подруг Анны Ивановны по всем параметрам, но этого было мало для того, чтобы из-за неё потерять всё, что он сейчас имеет... Она хотела поцеловать Алика, но он упредил её движение, протянув руку, и сухо сказав казённую фразу:

— Здравствуй. С приездом. Как сессия?

Вероника правильно поняла его, в том смысле, что пока рано афишировать их отношения, и весело ответила в тон ему:

— Здравствуй. Спасибо. Сдала.

— Вот это по-нашему, по-военному, — похвалил их генерал. — Кто, откуда, куда и зачем? — Солдат из казармы в кабак за вином! Это по-нашему!

К счастью, Алика позвала Анна Ивановна, и он ушёл в её комнату, не успев покраснеть...

Благодаря своим стараниям, с Вероникой он не встретился до позднего вечера. Он и в казарму ушёл бы, не поговорив с ней, но Вероника, весь день промучившись предчувствием свидания с ним, выследила его, перехватила у двери, и затянула на второй этаж, в свою комнату. Будучи страстной, до безумия темпераментной натурой, она набросилась на Алика, как и в тот раз, со своими горячими поцелуями, одной рукой гладила его, обнимала, ласкала, а другой пыталась снять с себя джинсы, расстегнуть его брюки, и не прекращала обжигать его слух нежными, многообещающими словами. В отличие от прошлого раза, теперь Алик голову не потерял, слушал Веронику внимательно, и в её обещаниях ничего, кроме угрозы в свой адрес, не услышал, ибо, обещание завтра же объявить маме и папе о предстоящей свадьбе, иначе, как угрозу, он не воспринимал. Говорить ей что-либо было бесполезно. Её ничто не могло остановить, ну, разве что, если бы Алик сказал, что он уже почти год, как спит с её отцом и матерью. Используя своё мужское обаяние и умственные способности, он добился от неё двух маленьких уступок: Вероника отпустила его спать в казарму, и пообещала не говорить родителям о предстоящей свадьбе, пока он не даст ей на то своё согласие. Она любила Алика, была уверена, что и он её любит, считала, что она для него является наилучшим вариантом, а то, что она досталась ему не девственницей, он сам сказал, что это пустяки, и она не понимала, что может воспрепятствовать их свадьбе.

— Мне ещё год служить, — лепетал Алик.

— Папа имеет право разрешать солдатам жениться при определённых обстоятельствах. Эти обстоятельства налицо: зимой я забеременела от тебя!

— Ты долго думала?

— Я не хотела тебе говорить, надеялась, что ты и так на мне женишься, а ребёнок будет сюрпризом. Но ты вынудил меня признаться.

Всё-таки Алику удалось уговорить её помолчать некоторое время. Ему надо было собраться с мыслями, принять решение. Каникулы только начались, впереди всё лето, успеем и сказать, и свадьбу сыграть. Он надеялся на чудо, которое произойдёт, и благодаря нему разрешатся все его проблемы. Оно и произошло, но пришло не с той стороны, откуда его ждал Алик.

Несмотря на пребывание в доме Вероники, Анна Ивановна не изменила график работы Алика, и он продолжал навещать её подруг, как и прежде, по три раза в неделю. Вечера он проводил с Вероникой, лгал ей, что занят армейскими делами, а поскольку он каждый раз с избытком удовлетворял её ненасытное тело, то и подозрений с её стороны никаких не было.

Всё-таки, тренировки по индийской книжке давали о себе знать. Анна Ивановна тоже, как обычно, в свой срок приняла его в своё лоно. Необычное началось позже, когда у Алика, при мочеиспускании, начались рези. Он сразу понял, в чём его проблема, и только не мог вычислить, от кого к нему пришла беда. После того, как Анна Ивановна познакомила его со всеми своими подругами, и предупредила, чтобы у него на стороне не было контактов, он держал данное ей обещание, и кроме её адресов, никого не посещал. Не будь Вероники, он бы смело сказал Анне Ивановне о своей болезни. Но у него были сомнения, которые можно было разрешить, только проверив всех его пациентов, включая генерала. А что, если все они больны? Но и у Вероники он не мог спросить: тогда надо было ей признаться, что у него были контакты на стороне... Всё же, с ней ему было говорить проще всего, и он задал ей вопрос:

— У тебя в Москве есть парень?

— Я что, такая страшная, что, кроме тебя, на меня никто не глянет?

— Ты с ним спала?

— Я думала, мы об этом договорились, раз и навсегда.

— Я не то имею в виду. Во мне говорит не ревность, и не любопытство. Вопрос чисто медицинского плана.

— И в чём заключается твой вопрос?

— У меня закапало с конца! — зло ответил Алик.

— А ещё, кроме меня, у тебя кто-нибудь есть? — спросила Вероника после долгой паузы.

Алик ждал этого вопроса и сразу ответил:

— На даче нет ни одной женщины... А я мужчина с нормальной сексуальной ориентацией.

Он понял, что попал в точку. Вероника надолго замолкла, что-то соображала, готовила ответ. Алик её не торопил. В конце концов, для его предприятия будет лучше, если всё пошло от неё. Во-первых, с ней сразу можно будет порвать, раз и навсегда. О какой женитьбе может идти речь, если невеста наградила жениха гонореей! Во-вторых, Алик может свалить вину на любую из подружек Анны Ивановны, и ему поверят. И если всё так и произойдёт, то конфликт удастся замять, о связи с Вероникой Анне Ивановне можно будет не говорить...

— Это Жека, — после долгого молчания, призналась Вероника. — Я предполагала, что этим кончится. Он хотел жениться на мне, я, было, согласилась, но когда забеременела от тебя, ему отказала. У ребёнка должен быть настоящий отец... Жека пообещал отомстить... А перед отъездом я с ним переспала. По глупости. Уж очень он меня уговаривал, только теперь поняла, почему. Он перетрахал всех девушек курса, видно, от кого-то подцепил, и решил наградить меня... А я, дурочка, ему ещё про тебя рассказала... Теперь я ему устрою весёлую жизнь! Он у меня попляшет. Полетит из института, как птенчик!

— Ты не о том говоришь! Тебе срочно надо лечиться.

— В этом вонючем городишке, где меня знает каждый солдат, я лечиться не буду. Завтра же уеду в Москву. А тебе придётся выкручиваться самостоятельно. Как-нибудь отмажешься, не упоминая моего имени. Что-нибудь придумаешь. А там видно будет... На всякий случай, помни, что под моим сердцем бьётся твой ребёнок.

У Алика пол горы свалилось с плеч. Пол, потому что ещё предстоял нелюбезный разговор с Анной Ивановной.

Следующим утром она сообщила Алику «новость»:

— Вероника срочно уехала в Москву. Что-то там стряслось с её парнем.

— У меня для вас есть новость похуже!

— Что может быть хуже? Я уже пять лет одна живу на даче, один раз дочь согласилась провести со мной лето, и то не сдержала слово... Она тебе ничего не говорила?

— Мы с ней на такие темы разговоры не вели. А новость у меня действительно не из приятных. У меня гонорей.

Анна Ивановна опустила в кресло. Свои телеса она не смогла втиснуть между подлокотниками, присела с краю, одной ягодицей, и Алик вспомнил, что уже говорил ей, чтобы она купила себе югославскую «Аббу», как у жены начальника строевой части, там кресла шириной в метр... Несколько минут она сидела молча. Потом спросила:

— Ты точно в этом уверен?

— Думаю, да.

— Когда это началось? — она ещё, видимо, надеялась проскочить мимо этого несчастья.

— Заподозрил три дня назад. Убедился сегодня.

— Значит, я тоже... У тебя были контакты на стороне?

Алик хотел сказать — только с генералом, и с твоей дочкой, но в последний момент перефразировал свою мысль:

— С солдатами?

— Ты часто бываешь в городе...

— Моей вины в этом нет.

— Понятно... Но не ветром же задуло.

Алик успокоился. Он ожидал бурной реакции, упрёков, скандалов, криков. Но Анна Ивановна отреагировала спокойно, как и следовало отреагировать в ситуации, когда десять женщин завязаны на одного мужчину:

— Это Клара Сергеевна. Только она способна на такую подлость! Когда ты был у неё?

— Я и вообще не знаю, кто она такая, тем более — когда был у неё.

— Самая худенькая из нас.

Теперь Алик её вспомнил. Это она заставляла его совершать развратные действия со своим телом. А они её недолюбливают за то, что не такая толстая. Если вина падёт на неё, то так ей и надо!

— Она развратница, — сказал Алик.

— Не беспокойся, это её последняя шутка.

— Хороши шуточки, — сказал Алик, решив поддержать Анну Ивановну, и помочь ей укрепиться в её мнении относительно вины Клары Сергеевны. — Она совала мой член во все свои дырки, заставляла одновременно и резиновый всовывать, и ещё у неё с моторчиком есть, на батарейках, а мне надевала электрическое влагалище, и говорила, что ей всё равно мало, и хочется ещё чего-нибудь.

Говоря это, Алик мало что привирал. Клара Сергеевна, единственная из подруг Анны Ивановны, которая не вняла её предупреждениям, и к приходу Алика наряжалась, то в кожаный бюстгальтер с прорезями на сосках, то в плавки с дырочками спереди и сзади, то в пластинчатые трусы с множеством иголок, которые в кровь царапали Алика, а иногда и вообще встречала его обнажённая. Она надевала Алику презерватив с усиками, себе вводила теннисный шарик на ниточке, предлагала Алику вшить в крайнюю плоть жемчужину, и возмущалась, что он не восхищается её изобретательностью. Она по пол дня мучила Алика, и он уползал от неё, чуть ли ни на четвереньках. Каждый последующий оргазм у неё происходил всё ярче и ярче, и наивысшего наслаждения она достигала после двадцати —

тридцати обычных оргазмов. От её забав никакого удовольствия Алик не получал, напротив, он подметил, что получает удовольствие только после длительного воздержания, что случалось крайне редко, а после Клары Сергеевны, он два-три дня не мог дотронуться до своего органа, так он был замучен, потому и решил отыграться за это на своей насильнице. Единственное, что Алик приписал ей со зла, так это виденные у генерала искусственные женские и мужские гениталии.

Услышав эти новости о своей подруге, Анна Ивановна возмутилась:

— Ты должен был мне рассказать об этом раньше!

— Но я никому никогда ни о чём не рассказываю!

«Она и про Ростика будет меня ругать, что не рассказывал», — подумал Алик.

— Всё, забыли об этом.